

“Slow” Visual Environment in the Urban Landscapes

Zhanna V. Nikolaeva

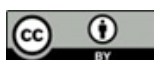
St. Petersburg State University. Saint Petersburg, Russia. Email: zh.v.nikolaeva[at]gmail.com

Abstract

The article observes different aspects of the visual ecology in the urban architectural environment and a new public discussion that arose around the anti-acceleration trends (“Slow Architecture”, “Slow Cities”). The theory of the urbanized landscapes visual image’s perception analyzes, from the standpoint of rational aesthetics, critical theory of architecture, topological reflection, and the new ethics of consumption. Philosophical reflection on the phenomenon of slow perception of life, slow activity and the meaning of contemplation is of great importance for the formation of the concept of “slow visual environment”. The hypothesis of the need to limit the iconic forms’ entropy in the visual environment is verified by the examples of objects creating an aggressive landscape and visual pollution. Criteria are offered, defining the visual pollution of urban landscapes, as well as the methods for achieving visual environmental friendliness by slowing down the visual message.

Keywords

Visual Environment; Visual Ecology; Ecology Of Architecture; Slow Architecture; Slow City; Sustainable Development; Architecture; Visual Pollution; Urbanism; Urban Landscape

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

«Медленная» визуальная среда в городских ландшафтах

Николаева Жанна Викторовна

Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, Россия.
Email: zh.v.nikolaeva[at]gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются некоторые аспекты визуальной экологии городской архитектурной среды в связи с новой общественной дискуссией об анти-акселерационных трендах («медленная архитектура», «медленный город»). Теория восприятия зрительных образов урбанизированных ландшафтов анализируется с позиций рациональной эстетики, критической теории архитектуры, топологической рефлексии и новой этики потребления. Для формирования концепта «медленной визуальной среды» большое значение имеет философская рефлексия феномена медленного восприятия жизни, медленной активности и значения созерцания. Гипотеза о необходимости ограничения энтропии иконических форм в визуальной среде верифицируется на примерах объектов, создающих агрессивный образ и визуальный шум. Предлагаются критерии для определения визуального загрязнения городских ландшафтов и методы достижения визуальной экологичности через замедление визуального послания.

Ключевые слова

визуальная среда; визуальная экология; экология архитектуры; медленная архитектура; медленный город; устойчивое развитие; архитектура; визуальное загрязнение; урбанистика; городской ландшафт

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)
[Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Городская архитектурная среда представляет собой подобие экосистемы. К парадоксам антропоцена относится в том числе и неопределенность в социальных исследованиях визуальной организации пространств и ландшафтов. Поскольку каноны вкуса и предпочтений спускаются «сверху», а «праздничный класс, обладающий властью номинаций» (Веблен, 1984), хочет жить долго, оставаясь здоровым, постольку в наше время эти установки постоянно отсылают к экологической обстановке и заботе о себе: не только к физическому, но и психологическому здоровью индивида, как прежде это уже стало нормой относительно экологии почв и природных ресурсов.

Молодое поколение сопротивляется визуальной избыточности, оно не требует футуристической скорости и динамичных образов для города. Картина Умберто Боччони «Город, который восстает» (1913), пожалуй, одно из самых «дискомфортных» живописных произведений для взгляда современного зрителя. Психология искусства утверждает, что современный зритель уже «не фрейдист» и ему не требуется фетишизация архитектурных объектов в среде¹. Созерцающий ищет комфорта, медленной перцепции и спокойных впечатлений. «Визуальное мышление»² требует актуализации нового взгляда на проблему энтропии и беспорядочности зрительных образов.

В конце XIX века австрийский историк искусства, представитель венской школы искусствознания А. Ригль создал оригинальную формальную теорию визуального восприятия объектов в среде: существует режим зрения, при котором чрезвычайно сильное значение имеет прошлый осязательный опыт восприятия, накопленный от рождения: «гаптическое» (ощупывающее) видение (Ригль, 2007). В 1950-е – 1970-е гг. для психологов, теоретиков искусствознания, художников очень важным представлялся вопрос передачи глубины пространства, искажений и отражений поверхностей и материалов³. Дефиницию «гаптическое зрение» для философской интерпретации понятия поверхности затем успешно использовал Ж. Делез (Делез, 2011): так, что даже возникла теория «гаптического кино». «Ощупывание» формы зрением непосредственно связано с теорией восприятия контуров, очертаний (границ) объектов, пространственных объёмов и пустот в среде. Именно на поверхности, а не в глубине возникают смыслы и рождаются события, находясь в режиме свободных горизонтальных взаимосвязей между собой.

Соположение очертаний и теория ощущений, с которыми мы подходим к выработыванию эмпатических или антипатических настроений при созер-

1 Представления о «фрейдистской эстетике» как о теории зрительного восприятия производного от подсознательного и бессознательного доминировали в XX веке. В актуальный момент современности ученые вновь обратились к принципам «рациональной эстетики».

2 Термин введен американским психологом искусства Рудольфом Арнхеймом (Арнхейм, 1974)

3 Р. Арнхейм называет это «передачей веса объекта в пространстве». По его мнению, на «вес» оказывают влияние форма и направление воспринимаемых объектов.

цании, интересовала американского эстетика Рудольфа Арнхейма. Теория эстетического восприятия, которую развивал Р. Арнхейм, строится на том, что восприятие в своей основе представляет собой познавательный процесс. Утверждается, что эстетическое восприятие не пассивный, созерцательный акт, а творческий, активный процесс:

«Каждая визуальная модель динамична... Любая линия, нарисованная на листе бумаги, любая наипростейшая форма, вылепленная из куска глины, подобны камню, брошенному в пруд. Все это – нарушение покоя, мобилизация пространства» (Арнхейм, 1974, с. 28).

Под влиянием Р. Арнхейма («динамическое зрительное восприятие», обоснование «визуального мышления» (Арнхейм, 1994, с. 153-155)) и в результате открытия системы зеркальных нейронов Дж. Риццолатти («кинестетическая зрительная эмпатия» (Риццолатти & Синигалья, 2012)), в 1960-е – 1970-е гг. за рубежом и в СССР возникли школы, изучающие критерии визуальной перцепции через психологию и нейрофизиологию формирования зрительного образа (см. Власов, 2007). Психогеография города (Дебор, 2017) вызвала интерес к ныне популярному изучению когнитивных взаимоотношений между зрителем и объектом архитектуры.

«Классические» теории визуального восприятия и современные исследования в области визуальной экологии имеют междисциплинарную связь. При этом они предлагают свой особенный подход к объяснению восприятия формы и очертаний объектов, что успешно используется исследователями изобразительного искусства и архитектуры, в философии пространства и урбанистике; большое значение они приобретают в 3-Д моделировании и при проектировании виртуальной среды, а также в дизайне:

«Сегодня трудно преувеличить скорость трансформации визуальной среды, воздействующей на человека с такой силой и с такими последствиями, что изменяется не только восприятие, мировоззрение, но и образ жизни. Реакцией на эти процессы явилось возникновение новой гуманитарной дисциплины – визуальной экологии, которая нашла себе место в рамках медиафилософии» (Савчук, 2021, с. 116).

Медленная визуальная среда и критерии энтропического загрязнения городских ландшафтов

Для формирования концепта «медленной визуальной среды» большое значение имеет философская рефлексия феномена медленного восприятия жизни, медленной активности и значения созерцания. Модели «медленной жизни» и «медленной экономики» (Parkins & Craig 2006; Petrini, 2013; Rampini, 2009; Николаева, 2016) призывают нас потреблять мало, осознанно, медленно и только высококачественный продукт, в том числе и визуальный продукт, который мы наблюдаем на улицах наших городов. Принципы практики

медленной жизни таковы: удовольствие превыше выгоды, человек важнее работы, неспешность приятнее суеты.

К движению «за медленную жизнь» (Slow Movement, осн. в 1986-1989 гг.) почти сразу же присоединились архитекторы и урбанисты в поисках своих профессиональных ответов на вызовы глобальной реальности. Предшествовавшая архитектура – иконическая архитектура (Iconic Project)¹ и параметрическая архитектура², как полагают некоторые современные исследователи (Erzen & Milani, 2013; Sklair, 2021), обслуживала капиталистическую глобализацию, создавая условия для «загрязнения» визуальных архитектурных образов избыточной креативностью, социальной ангажированностью, постколониальным дискурсом и многими другими «политическими» и этическими вопросами глобальной повестки дня. Здания-иконы являли собой образцы, формирующие символическое/эстетическое для «машин желаний» и «диспозитивов власти». Новая эстетика полагает приемлемым в архитектуре лишь то, что рационально оправдано в соответствии с правилами медленной жизни (Николаева, 2021).

Архитектурное движение «за медленный город» сосредоточено на том, чтобы найти альтернативу сложившейся тенденции использования иконической и параметрической архитектуры в соответствии с постмодернистскими принципами «эстетизации политической экономики». В первые годы нашего века появились архитекторы и девелоперы, считающие себя адептами «медленной архитектуры», и они провозглашают тенденцию отказа от «контраминирования» архитектуры политическим, институциональным дискурсом и капиталистической экономикой (Sklair, 2018). Так же, как и движение «архитектура по brand» (небрендированная архитектура), «медленная архитектура» позиционирует себя как искусство сопротивления тотальной энтропии иконических образов и социальных коннотаций. На смену им привносится ряд антириторических принципов.

Одной из самых тревожных особенностей энтропического ускорения урбанизации является утрата визуального разнообразия. Главный принцип «медленной архитектуры»³ – это противостояние глобализации посредством сопротивления усреднению и созданию «не мест» (Оже, 2017). Для этого предлагается развивать и пропагандировать культурное разнообразие и уникальность каждой среды.

Основным из факторов усреднения среды (утраты среды), стандартизации и создания «не мест» является «типизация» архитектурных объектов. Типизация формирует зоны отчуждения (выпадения) из локального ландшафтно-визуального контекста («невстроенность» в культурную и естественную среду)

1 Иконическая архитектура предполагает, прежде всего, создание объектов, способных оказывать идеологический и эмоциональный эффект.

2 Параметрической архитектурой называются объекты, проектирование которых сводится к созданию математической модели по набору параметров.

3 См.: Официальный сайт ассоциации «Медленный город»: Cittaslow International (англ.).
URL: www.cittaslow.org

(Nikolaeva & Troitskiy, 2018). Непонимание среды, норм зрительного восприятия и непрофессиональные попытки противостояния типизации порождают при этом еще один способ загрязнения: подчеркнутую альтернативность. Нам знакомы примеры «барочных» дворцов, построенных в дачных деревянных поселках, или купольных храмов, расположенных в модернистских кварталах семидесятих годов прошлого века. В этих случаях в качестве попытки решить проблему т.н. корбюзиянского города предлагалась (и все еще предлагается) фетишизация сингулярных архитектурных объектов в чуждой им среде (ср. «иконическая архитектура»).

Архитектурный идеализм (архитектурные утопии, архитектурный романтизм) также порождает загрязнение естественной среды. В качестве примера можно привести также знакомые всем отели, напоминающие фантастические замки, облик которых свидетельствует о попытке культурного и визуального эскапизма. Основной причиной, как мы уже сказали, является контаминирование архитектуры и экономики: избыточное брендингирование, пафосные накладные детали, колоссальный декор, демонстративное расходование ресурсов для подчеркивания имиджа компании, нерациональное («не медленное») использование возможностей окружения, привлечение чуждых данной местности материалов для указания на финансовый статус заказчика. Именно это и создает энтропию разноголосых иконических образов.

Еще один пример – искусственное формирование социальных коннотаций: обилие иконологических знаков, связанных с идеологизированием предназначения сооружения, в том числе когда речь идет о пост-колониальном дискурсе, то есть искусственные «реверансные» отсылки к этническому. Любой урбанист, конечно же, добавит к этому перечислению трафик в исторической среде и спокойном природном окружении, а также агрессивную ночную подсветку зданий. Днем из космоса планета выглядит как вода, леса и земля, а ночью превращается в царство антропоцена и «выглядит как клубок электрических артерий и светящихся агломераций» (Barison, 2020, 79-80).

В целом любой низкокачественный визуальный продукт происходит от «загрязнения» экономическим диктатом, увлеченностью постмодернистским принципом «архитектура как нарратив или средство коммуникации», избыточной «креативностью» и недостаточным профессионализмом, социальной ангажированностью, модными «политическими» и этическими вопросами глобальной повестки дня, неспособностью работать с контекстом места.

Этические и эстетические критерии создания «медленной» визуальной среды в городских ландшафтах

Специалист по философии и социологии архитектуры М. Невлютов, на основании феноменологии архитектуры А. Перес-Гомеса, заключает, что «современная архитектура построена не на любви, поэтому она обречена

на пустой формализм, функционализм или простое следование запросам моды и потребительства» (Невлютов, 2018, с. 60). Архитектура, как и обустройство городской среды – это прежде всего социальная реальность, и новая потребительская эстетика противостоит избыточности, пафосу, колоссальности, демонстративному расходованию ресурсов и т.п. Наши потребительские предпочтения меняются в сторону ориентации на неагрессивное потребление, в том числе и потребление визуальных паттернов. Следовательно, эстетика нового потребления могла бы стать предметом исследований поведенческой этики и оценки моральных проблем, связанных с энтропией визуальной коммуникации, а соответствующие практики и инфраструктуры могут способствовать смягчению отчуждения и использованию потенциала новых теорий проектирования.

Таким образом, актуальные перцептивно-антропологические проблемы связаны с необходимостью определения понятия визуальной нормы и потребностью рационального регулирования визуальной среды; изучения границ чрезмерного, допустимого и насущного. Трудноопределимые критерии визуальной нормы и визуального загрязнения не только связаны напрямую с новыми практиками потребления, но и находятся в зависимости от социальных условий, которые на данный момент мы рассматриваем как фазу тотального замедления. Это происходит потому, что так называемая функциональная художественность проходит через социально-нормативную фильтрацию, которая контролирует экспансию новых форм чувственного, прежде всего зрительных образов.

Социальное предназначение архитектурных пространств сейчас все чаще связывают с этико-философским конструктом права на совместное проживание (Right to Inhabit) и совместное пользование. В результате не только стиль жизни, но и будущее дизайна, а также технологические и архитектурные проекты, которые подчеркивают энергоэффективность, экологичность и связь с окружающей средой, являются продиктованными правилами «права на город» (Харви, 2003).

Одной из первых попыток эстетизации уменьшения визуальной и коммуникативной избыточности в городской среде можно считать проект «нулевой архитектуры» Жана Нувеля. М. Невлютов отмечает:

«Работы Жана Нувеля оказываются особенными, потому что мы их не видим, они способны как бы выйти за пределы экрана, дематериализоваться... Они устанавливают сложные нематериальные взаимоотношения с контекстом, часто трансформируют, меняют сложившуюся среду» (Невлютов, 2015).

Ж. Бодрийяр и Ж. Нувель в своей книге «Уникальные объекты архитектуры» (Baudrillard, Nouvel, Bononno, & Hays, 2002) также делятся некоторыми соображениями о том, что сообщают некоторые здания, такие как Всемирный торговый центр или Центр Помпиду. Например, Для Нью-Йорка башни-близнецы были «предвосхищающим признаком зарождающегося компьютеризи-

зированной, генетически связанного, клонирующегося общества» (р. 38). «Жан Нувель ...постоянно подчеркивал, что его задачей как архитектора является создание вакуума, создание пустоты, в которой общество могло бы себя осознанно конституировать», – вспоминает Борис Гройс (2012). Но у Ж. Нувеля публичное пространство понимается как своего рода вакуум, открытый и пустой, в котором могут расположиться строения, объекты искусства, памятники, коммерческая реклама, политическая пропаганда и много других вещей, то есть, несмотря на изобретение термина «нулевая архитектура», он остается в старой постмодернистской парадигме архитектуры как нарратива или средства коммуникации.

К сожалению, только сейчас мы пошли к более практическому пониманию базовой интуиции Мишеля Фуко о гетеротопиях и том типе пространств, которые выходят за пределы мышления и языка, конституируя пространство атопии и афазии. Они «приостанавливают, нейтрализуют или переворачивают всю совокупность отношений, которые тем самым ими обозначаются, отражаются или рефлектируются» (Фуко, 2006, с. 195). Современная теория трансгенерационной (Andina, 2016) ответственности власти и индивида предлагает выйти за пределы бесконечного дописывания нескончаемого списка новых архитектурно-визуальных нарративов, поскольку мы не можем быть уверены в том, какие из объектов, семантических рядов, эстетических предпочтений будут удовлетворять запросам будущих поколений. Мы предполагаем, что последовательный выход за пределы времени исторического (эксперименты с сооружениями и даже целыми районами, состоящими из легко собираемых и легко уничтожаемых элементов, то есть отказ от постоянных форм) соответствуют идеям бережного отношения к будущим поколениям через отмену «тоталитарной», обуславливающий выбор следующих поколений, городской среды.

И, действительно, с начала XXI века мы все чаще видим архитектуру, которая стремится не к энтропии коннотаций и контекстов прошлого, а к исчезающему образу, к прозрачности, нейтральности. Видимо, в профессиональном сообществе уже существует запрет на множественность идентификационных образов (урок Ж. Нувеля).

Проектируй медленно. Архитектурная кухня

Что объясняет «приверженность Хайдеггера любительской, рустикальной архитектуре, как бы «вписываемой» в ландшафт согласно каждодневной практике человеческого проживания, а не стандартизированным строительным образцам» (Колесникова, 2020, с. 156)? Ответ: горизонты, которые «составляют реальные или воображаемые присутствия, которые позволяют отождествлять себя с собой и на этой основе отождествлять себя с окружающей средой, выявлять местоположение вещи среди других вещей» (Колесникова, 2020, с. 156).

Одну из любопытных версий определения нового способа проектирования медленной визуальной среды мы находим в высказываниях швейцарского архитектора Валерио Олджати. Поскольку вся идеология «медленного движения» (медленный город, медленные медиа, медленная экономика, медленная медицина и прочие) выросла из движения «за медленную еду», то надо еще раз перечитать принципы его основателя Карло Петрини, изложенные в его книгах и манифестах (Petrini, 2013).

Оле Фишер из университета Юты внимательно изучил высказывания В. Олджати: «Он описывает и различает архитектуру как гастрономию: в ней есть итальянская или французская «кухни»; чистота и количество ингредиентов, способы приготовления, смешивание, ароматизация. В своих кулинарных аналогиях архитектор указывает на различия в решении нескольких конкретных проблем, таких как материал, конструкция, место и их взаимодействие по принципам высокой кухни, медленной еды и фастфуда» (Fisher, 2011).

Но через почти сто лет после Хайдеггера перенос идеи локальной кулинарии в архитектурную практику отнюдь не подразумевает никаких искусственных открыточных изображений Альпийских пейзажей и другого счастливого пейзажа. Поскольку большинство населения планеты проживает в крупных городах и чаще всего на их периферии, то в местном контексте (как ингредиент) вводится постиндустриальный мотив в управляемый культурный ландшафт (сконструированный как высокая кухня), который определяется не столько туризмом, сколько энергетикой, инфраструктурой, высокотехнологичными отраслями промышленности и даже национальной обороной. В. Олджати воздерживается от антимодернизма или самореферентной автономии созданного объекта, но демонстрирует актуальность, которая связывает отдаленные архитектурные артефакты с городским образом жизни (Fisher, 2011). Его идеология становится понятна в связи с независимой оценкой потребления визуальных коннотаций: так же как сейчас мы, в основном, приобретаем продукты в городских супермаркетах (население планеты – население городской цивилизации), то и архитектор действует в условной культурной среде, в первую очередь, жителей крупных городов.

Частые отсылки к деревенскому, натуральному, экологичному неминусом будут вызывать ощущение фальши. Принцип, заимствованный из философии «медленной еды» – нулевой километр: «Потребляйте то, что выращено неподалеку» (Petrini, 2013). Но в действительности для Италии автор идеи Карло Петрини указал 50 километров, а для России, ввиду ее особенностей, правдоподобную географию – 500 километров. Локальный материал для городского строительства большинства современных объектов – бетон. Возможно, именно из-за своей формальной и искренней позиции архитектор Олджати проектирует свои объекты «медленной архитектуры» почти исключительно из бетона.

В целом, архитектурный подход по созданию «медленной» визуальной среды заключается в:

1. Создании простых сооружений из найденного «на месте» материала (дальние и дорогостоящие перевозки противоречили бы логике, экономике и поэтике Slow Movement).

2. Использовании всех остальных принципов Slow Economy, таких как замкнутые циклы потребления энергоресурсов (Zero Energy).

3. Преференциях, отдаваемых локальным ремесленным производителям, например, для изготовления мебели и отделочных материалов ручной работы («медленное производство»).

4. Пропагандировании эмпатического отношения к окружающей среде через естественную растворенность в пейзаже (пример: спонсирование местными властями строительства мини-гидроэлектростанций, которые «спрятаны» в естественный ландшафт).

5. Предпочтительном перепрофилировании и реставрации заброшенных зданий и территорий с тем, чтобы не создавать «новые сущности», увеличивая производство новых сооружений. Попутно решается проблема руинированных, но недопустимых к сносу или трудно уничтожаемых объектов.

6. Обязательстве предпринимателей выбирать в пользу либо строительства из временных и легко утилизируемых материалов, либо из самых долговечных, крайне мало подверженных какой-либо коррозии.

7. Организации городских пространств таким образом, чтобы вся необходимая для жизни инфраструктура находилась бы в пешеходной доступности. Вспомним, что видеть интенсивное машинное движение противоречит идее медленного и вдумчивого созерцания.

Нам кажется, что можно дополнительно предложить следующие методы достижения визуальной экологичности в городских ландшафтах. 1. Минимизация «визуального следа». 2. Определение понятия визуальной нормы и необходимости рационального регулирования визуальной среды; изучение и преподавание теории границ чрезмерного, допустимого и необходимого в архитектурной среде. 3. Социально-нормативная фильтрация, которая контролирует экспансию новых форм чувственного, прежде всего зрительных образов. 4. Популяризация этико-философского конструкта права на совместное проживание (Right to Inhabit) и трансгенерационной (межпоколенческой) ответственности. 5. Исследование альтернативных, возможно, временных источников визуальной коммуникации и визуального наслаждения. 6. Развитие новой потребительской эстетики (поведенческий отказ от избыточности, демонстративного расходования ресурсов и т.п.)

Последний и, пожалуй, самый деликатный подход, требующий от проектировщиков глубоких междисциплинарных знаний, носит динамический характер: замедлить, снизить визуальный шум как производящий нерациональные и беспокойные реакции. Медленный город, медленная визуальная среда, медленная жизнь — это во многом тишина. Визуальная тишина в том числе. С этой целью для анализа визуальных образов в городской среде визуальными экологами были введены такие понятия современной архитектурной

и культурологической теории как «визуальный комфорт», «визуальный шум» и «визуальное загрязнение» (Колесникова, 2015; Marcum, 2002). Прочитываем известного специалиста по экологии архитектуры Брайана О'Брайна:

«Ален Финдели, автор статей о медленной архитектуре, утверждает, что дизайнеры должны стать активными, и для этого необходимо отказаться от модели дизайна Баухауза и принять модель, которая уравнивает визуальный интеллект (восприятие), действие (технологическое, наполненное моральным сознанием) и эстетическую логику, в том, что можно было бы описать как рефлексивный, а не дедуктивный процесс. Наградой за медлительность в проектировании иногда является вдохновение, кажущееся мгновенным и неподвластным времени (кажущимся быстрым) озарением, которое «решает» «проблему». На самом деле, настоящее вдохновение – это результат размышлений и длинных инвестиций с течением времени в любознательность, непредубежденность и утонченность» (O'Brien, 2004, p. 16).

Выводы

Современная визуальная среда все еще не находится в корреляции с философией и идеологией замедления повсеместно. Вместо этого она балансирует на границах стерильности и избыточности визуального послания со всеми вытекающими из этого эклектизмами. Однако попытаемся побыть футурологами и сформулировать новый этический и эстетический заказ, на который архитекторы будут обязаны отреагировать. Гипотеза состоит в том, что у архитекторов и дизайнеров на данный момент есть два вариативных контекста: 1) Полное замедление развития в привычных нам нормах и правилах строительства и проживания. Назовем его «режим сохранности». Он будет включать в себя акцент на использовании и перепрофилировании существующих неиспользуемых объектов, а также временное строительство. 2) Проект и дизайн могут быть основаны на использовании искусственного интеллекта по принципу «доказательной медицины» и «медицинского протокола». Хорошо сделанная подборка входящих данных о требуемой экологичности, стилистике, критериях визуального восприятия, социально обусловленных задачах позволит программе не допустить выход за пределы нормативности, в том числе и с учетом психологии архитектуры. Второй подход при этом чреват обновленной типизацией.

Важно, что в «медленной архитектуре» личный престиж и признание архитектора или владельца здания уходят на второй план или сокрыты. В этом смысле экономическое существование и пространственное сосуществование неагрессивно и ненавязчиво. Старая эстетика была основана на политических предпочтениях, представленных различными институтами, а также на личных амбициях архитектурных звезд и «звездных» бюро. Новая эстетика формулируется небольшими группами активистов. Пока медленной архитектурой занимается ряд адептов-поклонников культуры медленной жизни. Ядро активистов убеждает и переубеждает, призывая

бороться за новые идеалы. Но когда большая часть социальных сфер и групп поймет, что новый идеал медленной визуальной среды в городских ландшафтах — это, конечно же, процветание, причем в угоду и «левым взглядам» и «праздному классу, заботящемуся о себе», то это движение может перерасти в мейнстрим и получить ускорение, в чем имплицитно содержится опасность дискредитации сути послания. Сейчас запрос на медленную визуальную среду, по-видимому, происходит «сверху». Но мы будем надеяться, что это не переворот, а поиск баланса субъективного и объективного и, возможно, осуществляющаяся «медленная» попытка положить конец эпохе эстетизма агрессивных визуальных образов.

Благодарности

This research was prepared with the financial support of the RSF grant Project 21-18-00046 “The Definition of Criteria for Visual Pollution of the Environment” in St. Petersburg State University.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФ. Проект 21-18-00046 «Определение критериев визуального загрязнения окружающей среды» в Санкт-Петербургском государственном университете.

Список литературы

- Andina, T. (2016). *Ontologia sociale. Transgenerazionalità, potere, giustizia* [Social Ontology. Transgenerationality, power, justice]. Carocci. (In Italian).
- Barison, M. (2020). L'Antropocene architettonico. Sulla formazione di mondo [The Architectural Anthropocene. On the formation of world]. *Aesthetica Preprint*, 114, 79–97. <https://doi.org/10.7413/0393-8522042> (In Italian)
- Baudrillard, J., Nouvel, J., Bononno, R., & Hays, K. M. (2002). *The singular objects of architecture*. University of Minnesota Press Minneapolis.
- Erzen, J., & Milani, R. (Eds.). (2013). *Nature and the City. Beauty Is Taking On New Form. Yearbook of the International Association for Aesthetics. Proceedings of the Bologna Conference, June 2012*. Edizione Edes.
- Fischer, O. W. (2011). Slow Architecture? The Myth of Local Resistance to Globalization in Architecture: A Critique. In *ACSA Local Identities Global Challenges Fall Conference Proceedings* (pp. 141–146).
- Marcum, J. W. (2002). Beyond Visual Culture: The Challenge of Visual Ecology. *Libraries and the Academy*, 2(2), 189–206. <https://doi.org/10.1353/pla.2002.0038>
- Nikolaeva, Z., & Troitskiy, S. (2018). An Introduction to Russian and International Studies of Cultural Exclusion Zones: An Analytical Overview of Recent Concepts. *Rivista Di Estetica*, 67, 3–19. <https://doi.org/10.4000/estetica.2482>
- O'Brien, B. (2004). Slow architecture: Linger, savour, touch. *Building Material*, 12, 16–19.
- Official site of the Slow City Association. (n. d.). Cittaslow International. <https://www.cittaslow.org/>

- Parkins, W., & Craig, G. (2006). *Slow living*. Sidney UNSW Press.
<https://doi.org/10.5040/9781350044890>
- Petrini, C. (2013). *Slow food nation: Why our food should be good, clean, and fair*. Rizzoli Publications.
- Rampini, F. (2009). *Slow economy: Rinascere con saggezza*. Edizioni Mondadori.
- Sklair, L. (2018). *Lectio Magistralis "Iconic Architecture and Capitalist Globalization: Contamination or Creativity?"* <https://www.youtube.com/watch?v=L2QVMxZYzMA>
- Арнхейм, Р. (1974). *Искусство и визуальное восприятие*. Прогресс.
- Арнхейм, Р. (1994). *Новые очерки о психологии искусства*. Прометей.
- Веблен, Т. (1984). *Теория праздного класса*. Прогресс.
- Власов, В. Г. (2007). Психология искусства. В *Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства*. В 10 томах (Т. 7, сс. 860–865). Азбука-Классика.
- Гройс, Б. (2012). *Публичное пространство: От пустоты к парадоксу*. Strelka Press.
- Дебор, Г. (2017). *Психогеография*. Ad marginem.
- Делез, Ж. (2011). *Фрэнсис Бэкон: Логика ощущения*. Machina.
- Колесникова, Д. А., & Савчук, В. В. (2015). Визуальная экология как дисциплина. *Вопросы философии*, 10, 41–50.
- Колесникова, Д. А. (2020). Предисловие к переводу эссе М. Хайдеггера «Строительство Жительство Мышление» (1954). *Журнал Фронтальных Исследований*, 5(1), 153–156.
<https://doi.org/10.46539/jfs.2020.1.153156>
- Невлютов, М. Р. (2015). Гиперреальность архитектуры Жана Нувеля. *Academia. Архитектура и строительство*, 1, 15–20.
- Невлютов, М. Р. (2018). Любовь и архитектура. *Феноменология Альберто Перес-Гомеса. Архитектура и строительство России*, 2, 60–63.
- Николаева, Ж. В. (2016). Slow life. Новая философия неспешности. *Обсерватория культуры*, 1(1), 24–30. <https://doi.org/10.25281/2072-3156-2016-1-1-24-30>
- Николаева, Ж. В. (2021). Рациональная эстетика в архитектуре против визуального загрязнения окружающей среды. В *Второй российский эстетический конгресс: Тезисы докладов участников* (сс. 390–391). Автономная некоммерческая организация высшего образования «Гуманитарный университет».
- Оже, М. (2017). *Не-места. Введение в антропологию гипермодерна*. Новое литературное обозрение.
- Ригль, А. (2007). Позднеримская художественная промышленность. *Фрагменты. Искусствознание*, 3–4, 533–545.
- Риццоллатти, Дж., & Синигалья, К. (2012). *Зеркала в мозге. О механизмах совместного действия и сопереживания. Языки славянских культур*.
- Савчук, В. В. (2021). *Забор как равновесие сил*. Академия исследований культуры.
- Фуко, М. (2006). Другие пространства. В В. П. Большаков (Ред.), & Б. М. Скуратов (Пер.), *Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью* (сс. 191–204). Праксис.
- Харви, Д. (2008). *Право на город*. *Логос*, 3, 80–94.

References

- Andina, T. (2016). *Ontologia sociale. Transgenerazionalità, potere, giustizia* [Social Ontology. Transgenerationality, power, justice]. Carocci. (In Italian).
- Arnheim, R. (1974). *Art and Visual Perception: A Psychology of the Creative Eye*. Progress. (In Russian).
- Arnheim, R. (1994). *New Essays on the Psychology of Art*. Prometej. (In Russian).
- Augé, M. (2017). *Non-Places: Introduction to an Anthropology of Supermodernity*. New Literary Review. (In Russian).
- Barison, M. (2020). L'Antropocene architettonico. Sulla formazione di mondo [The Architectural Anthropocene. On the formation of world]. *Aesthetica Preprint*, 114, 79–97. <https://doi.org/10.7413/0393-8522042> (In Italian)
- Baudrillard, J., Nouvel, J., Bononno, R., & Hays, K. M. (2002). *The singular objects of architecture*. University of Minnesota Press Minneapolis.
- Debord, G. (2017). *Psychogeography*. Ad marginem. (In Russian).
- Deleuze, G. (2011). *Francis Bacon: The Logic of Sensation*. Machina. (In Russian).
- Erzen, J., & Milani, R. (Eds.). (2013). *Nature and the City. Beauty Is Taking On New Form. Yearbook of the International Association for Aesthetics. Proceedings of the Bologna Conference, June 2012*. Edizione Edes.
- Fischer, O. W. (2011). Slow Architecture? The Myth of Local Resistance to Globalization in Architecture: A Critique. In *ACSA Local Identities Global Challenges Fall Conference Proceedings* (pp. 141–146).
- Foucault, M. (2006). Of Other spaces. In V. P. Bolshakov (Ed.), & B. M. Skuratov (Trans.), *Intellectuals and Power. Selected Political Articles, Speeches, and Interviews* (pp. 191–204). Praxis. (In Russian).
- Groys, B. (2012). *Public Space: From Void to Paradox*. Strelka Press. (In Russian).
- Harvey, D. (2008). The Right to the City. *Logos*, 3, 80–94. (In Russian).
- Kolesnikova, D. A. (2020). Foreword to the Translation of Martin Heidegger's Essay "Building, Dwelling, Thinking" (1954). *Journal of Frontier Studies*, 5(1), 153–156. <https://doi.org/10.46539/jfs.2020.1.153156> (In Russian).
- Kolesnikova, D. A., & Savchuk, V. V. (2015). Visual Ecology As a Discipline. *Voprosy Filosofii*, 10, 41–50. (In Russian).
- Marcum, J. W. (2002). Beyond Visual Culture: The Challenge of Visual Ecology. *Libraries and the Academy*, 2(2), 189–206. <https://doi.org/10.1353/pla.2002.0038>
- Nevlyutov, M. R. (2015). Hyperreality of Jean Nouvel's Architecture. *Academia. Architecture and Construction*, 1, 15–20. (In Russian).
- Nevlyutov, M. R. (2018). Love and Architecture. Phenomenology of Alberto Perez-Gomez. *Architecture and Construction of Russia*, 2, 60–63. (In Russian).
- Nikolaeva, Z., & Troitskiy, S. (2018). An Introduction to Russian and International Studies of Cultural Exclusion Zones: An Analytical Overview of Recent Concepts. *Rivista Di Estetica*, 67, 3–19. <https://doi.org/10.4000/estetica.2482>
- Nikolaeva, Zh. V. (2016). Slow Life. The New Philosophy of Slowness. *Observatory of Culture*, 1(1), 24–30. <https://doi.org/10.25281/2072-3156-2016-1-1-24-30> (In Russian).

- Nikolaeva, Zh. V. (2021). Rational aesthetics in architecture versus visual pollution. In *Second Russian Aesthetic Congress: Abstracts of Participants* (pp. 390–391). Autonomous non-profit organization of higher education “University of the Humanities”. (In Russian).
- O'Brien, B. (2004). Slow architecture: Linger, savour, touch. *Building Material*, 12, 16–19.
- Official site of the Slow City Association. (n. d.). Cittaslow International. <https://www.cittaslow.org/>
- Parkins, W., & Craig, G. (2006). *Slow living*. Sidney UNSW Press.
<https://doi.org/10.5040/9781350044890>
- Petrini, C. (2013). *Slow food nation: Why our food should be good, clean, and fair*. Rizzoli Publications.
- Rampini, F. (2009). *Slow economy: Rinascere con saggezza*. Edizioni Mondadori.
- Riegle, A. (2007). The Late Roman Art Industry. *Fragments. Art Studies*, 3–4, 533–545. (In Russian).
- Rizzolatti, J., & Sinigaglia, C. (2012). *Mirrors in the Brain. On the mechanisms of joint action and empathy*. Languages of the Slavic Cultures. (In Russian).
- Savchuk, V. V. (2021). *Fence as a balance of power*. Academy of Cultural Studies. (In Russian).
- Sklair, L. (2018). *Lectio Magistralis “Iconic Architecture and Capitalist Globalization: Contamination or Creativity?”* <https://www.youtube.com/watch?v=L2QVMxZYzMA>
- Veblen, T. (1984). *The Theory of the Leisure Class*. Progress. (In Russian).
- Vlasov, V. G. (2007). The Psychology of Art. In *New Encyclopedic Dictionary of Fine Arts. In 10 volumes* (Vol. 7, pp. 860–865). Azbuka-Klassika. (In Russian).